

Вечером 26 ноября 1941 года на передовой стало вдруг тихо, и эта неожиданная тишина словно бы оглушила бойцов. Почти два месяца непрерывно, днем и ночью, грохотало сражение, фашисты старались прорваться, раздробить наш фронт, теснили наши войска. Так было от Вязьмы до подмосковных полей, до Звенигорода, Кубинки, Наро-Фоминска. А в этот вечер как отрезало: разом прекратили огонь вражеские орудия, минометы, пулеметы, лишь изредка срывались короткие автоматные очереди. За всю ночь — ни одной атаки. На следующий день — тоже.

Творилось что-то странное, непонятное. Повсюду на подступах к столице продолжалась упорная битва, решался дальнейший ход войны, решалась в конечном счете судьба нашего государства, а на прямой дороге к Москве с запада, где у противника имелось особенно много сил, было тихо.

Нет, не облегчение, а беспокойство, нарастающее напряжение испытывали в эти часы и дни бойцы и командиры 5-й армии, оборонявшие Можайское направление. И особенно, конечно, тревожился опытный генерал — командарм Л.А. Говоров, Уж он-то знал, что противник еще не выдохся, что у гитлеровцев есть резервы, в том числе танковые части, способные нанести сильный удар. Так почему же затишье, что задумал коварный враг? Отдыхает, набирается сил перед новым броском?

Перегруппировывает войска на другой участок, чтобы атаковать там, где наши позиции слабее? Или еще что?

Главное теперь — выяснить намерения гитлеровцев. Генерал Говоров приказал вести разведку непрерывно, всеми средствами, использовать не только войсковых разведчиков, но и партизан, диверсионные группы. Однако таковых было немного. Верейские партизаны действовали южнее, можайские — значительно западнее. Говоров потребовал собирать любые, хотя бы косвенные, сведения о фашистах. Где танковые части? Куда отошла с передовой пехота? Где концентрируются склады? На каких дорогах интенсивное движение? Среди других мероприятий было предусмотрено и такое: разведчикам, партизанам, диверсантам в ночь на двадцать восьмое и в ночь на двадцать девятое ноября учинить пожары в деревнях, в населенных пунктах, где располагаются гитлеровцы. С десяти вечера до полуночи. Наша авиация засечет объекты. Это поможет уточнить дислокацию войск противника.

Такой приказ получил и комсомольский отряд Бориса Крайнова, действовавший в тылу гитлеровцев как раз в том лесистом районе, который особенно интересовал сейчас штаб 5-й армии. Вернее даже не приказ, а просьба была передана Крайнову. Ведь отряд уже выполнил поставленную перед ним задачу, понес при этом потери.

Уцелевшие девушки и юноши были переутомлены, обморожены. В оттепель размокли, а потом развалились валенки. Не осталось продуктов, взрывчатки. На исходе боеприпасы. Комсомольцы имели полное право перейти линию фронта, вернуться к своим, на отдых, и никто не упрекнул бы их. Но они получили приказ-просьбу остаться

во вражеском тылу еще на несколько суток. И они остались.

Командир отряда Крайнов имел твердое правило: никого из девушек, кроме опытной и осторожной Веры Волошиной, на самые рискованные задания не посылать. У девушек свои обязанности: разведка, дозор, боевое охранение, разбрасывание на дорогах «колючек». Но теперь придется использовать всех. Иначе ничего не получится, людей мало.

В лагере с больным товарищем останутся двое, в том числе Зоя Космодемьянская. Возникнет угроза — помогут больному перебраться в другое место, на запасной сборный пункт. Большая часть отряда отправится в деревню Якшино. Много часов наблюдали за этой деревней разведчики. Там, безусловно, расположен вражеский штаб и, судя по обилию легковых машин, не меньше, чем штаб дивизии. В Якшино надо устроить пожар поярче, заметней. Если получится, забросать гранатами штабной дом или узел связи. А на следующую ночь эта же группа подожжет постройки в совхозе Головково. И, если успеет, в деревне Крюково.

Еще двое бойцов пойдут в Юматово. Кроме того, остается на западе деревня Петрищево. Место глухое, в стороне от большака, фашисты чувствуют себя спокойно. От лагеря эта деревня далековато, шагать надо по бездорожью, по незнакомой местности. Там труднее всего. Туда Крайнов решил идти сам с таким расчетом, чтобы до полуночи поджечь деревню, а к рассвету быть в лагере. Вообще это нарушение элементарных правил. Опасно действовать в одиночку. Мало ли что может случиться: ногу подвернул, а помочь некому. И отряд без руководства оставлять нельзя, тем более когда он разделился на несколько групп. Однако придется рискнуть.

Узнав об этом, Космодемьянская резко возразила командиру. Она стояла перед ним в распахнутом пальто, со следами сажи от костра на длинной девчоночьей шее:

— Ты пойдешь, а мы, две здоровые тетери, будем возле больного сидеть?

— Так надежней.

— Какая тут надежность нужна? Костер погасят, притихнут на ночь. А на задание минимум двое должны идти, ты сам сколько раз повторял это... Возьми меня с собой.

— Не могу.

— А я сидеть сложа руки не могу, когда все при деле. Понимаешь? Возьми... Ну пожалуйста!

— Пусть идет, — прохрипел из шалаша больной.

— А ты как?

— Перекантуюсь!

— Нет уж, одного человека я при тебе оставлю, — решительно произнес Крайнов. И Космодемьянской: — Собирайся.

И вот они в походе. От свежеевыпавшего снега в лесу торжественно, чисто, светло. А может, легко и приятно Зое было потому, что впереди двигался сосредоточенный,

спокойный Борис. Они вдвоем в заснеженном просторе... Об этом Зоя старалась не думать, но все равно думалось само собой и сказывалось на ее состоянии. Когда рядом Крайнов, ей всегда хорошо...

Пока девушка и ее командир, ступая след в след, идут в далекое Петрищево, давайте проследим тот не очень-то долгий жизненный путь, который привел Зою сюда, в подмосковный лес, в боевой комсомольский отряд, в который отбирали лишь самых надежных.

Родилась Зоя в осенний погожий день 13 сентября 1923 года в живописном селе Осиновые Гаи, что в Тамбовской области. Мама, Любовь Тимофеевна, учительствовала в местной школе. И отец, Анатолий Петрович, тоже учителем был, заведующим к тому же избой-читальней. Но про Осиновые Гаи мало что помнит Зоя. Добрые руки бабушки, просторный луг, чудесный запах свежего сена, вкус деревенского хлеба, парного молока. Потом сибирское село Шиткино, неподалеку от города Канска, долгие зимние вечера, когда отец брал Зою и Шуру к себе на колени, рассказывал сказки. Знал он их очень много: и про Ивана-царевича, и про Аленушку, и про Кузьму Скоробогатова. Но это было давным-давно, подернулось дымкой забвения. А вот все, что связано с Москвой, куда переехала семья, до самых мелких подробностей бережет память. Ну, хотя бы тот день, когда впервые отправилась в школу. Шли втроем: мама, Шура и Зоя. Солнечное, теплое было утро. С деревьев Тимирязевского парка падали желтые листья, медленно кружились, опускаясь на землю.

Потом самое тяжелое — смерть отца. Случилось это зимой. Всей семьей собрались они в цирк. Зоя спешила домой радостная — впереди столько интересного. Но радость ее сразу угасла, когда увидела бледное лицо отца, лежавшего на кровати.

«Я неважно себя чувствую, — сказал он. — Но это пройдет. А в цирк вам придется без меня...» — «Мы без тебя не пойдём», — сказала Зоя.

На следующий день отцу стало совсем плохо. Он едва мог говорить. Зоя сбегала за врачом. «Нужна операция. Немедленно», — сказал доктор. Отца отвезли в больницу. Оттуда он не вернулся...

Неожиданно и круто изменилась жизнь. Не было рядом умного друга. Горько, ох как горько было Зое! Но приходилось сдерживать свои слезы, приходилось скрывать свою боль, чтобы не расстраивать маму, которой и без того приходилось очень трудно.

Усталая возвращалась она с работы, и Зоя старалась хоть немного отвлечь ее от тяжелых мыслей, занять разговором.

Только по ночам, уткнувшись в подушку, плакала Зоя беззвучно, вздрагивая всем телом.

Мама работала теперь в двух школах и дома бывала мало. Все домашние заботы легли на плечи Зои. Она кормила брата, убирала комнату, топила печь. Много хлопот было с Шурой, то порвет чулок, то урок не выучит — за ним надо было смотреть и смотреть.

Впрочем, Шура понимал, как трудно приходится Зое, и, несмотря на свое мальчишеское самолюбие, подчинялся сестре почти беспрекословно.

Детские шалости, забавы, интересовавшие девочек, не занимали теперь Зою. У нее были важные, серьезные дела, переносившие ее в другой, «взрослый» мир. В школе многие стали считать Зою замкнутой.

Как бы ни была занята девушка, сколько бы ни было у нее хлопот, она всегда находила время для любимого своего занятия — чтения. «Овода» читала Зоя ночью, прикрыв газетой настольную лампу, чтобы свет не мешал маме. Часто потом думала об этой книге, вспоминала Овода в трудные минуты... А Чернышевский? Гражданская казнь, двадцать лет каторги и ссылки не сломили его волю. Он был настоящим революционером. Зое хотелось быть такой же твердой и непреклонной, каким был Чернышевский.

И вот торжественный день вступления в комсомол. Секретарь райкома комсомола, молодой человек с хорошей, веселой улыбкой, спросил: «А что самое важное в Уставе, как по-твоему?» — «Самое главное: комсомолец должен быть готовым отдать Родине все свои силы, а если нужно — и жизнь».

Ответ этот соответствовал и приподнятому душевному состоянию Зои, и важности происходившего. Она даже была несколько ошеломлена и разочарована, когда секретарь райкома перевел вдруг разговор на самые обычные, будничные дела, заговорил об учебе, о выполнении комсомольских поручений.

«Это же само собой разумеется!» — удивленно заметила Зоя. «Вот и хорошо, — улыбнулся секретарь райкома. — И никогда не забывай об этом. Ведь все большие важные дела складываются из малых, незаметных на первый взгляд дел».

Правильно сказал секретарь — это она поняла позже.

Весной в санатории «Сокольники» она познакомилась с замечательным человеком, писателем Гайдаром, книги которого очень любила. Вместе играли в снежки, строили снежную крепость, много разговаривали. А когда прощались, Гайдар подарил девушке свою новую книгу о двух веселых мальчишках — Чуке и Геке. На титульном листе было написано: «Что такое счастье — это каждый понимал по-своему. Но все вместе люди знали и помнили, что надо честно жить, много трудиться и крепко любить и беречь эту огромную счастливую землю, которая зовется Советской страной».

Слова были взяты из текста книги.

Пройдет совсем немного времени, и оба они, и Гайдар и Зоя, окажутся лицом к лицу с заклятым врагом. И он и она настойчиво будут проситься в бой, на самую передовую линию.

Вскоре после начала войны Зоя обратилась в райком комсомола. Там таких желающих, как она, было полно. На столах кипы заявлений. Просьба одна — пошлите на фронт. — Ничего не можем, — сказали Зое. — Кончай десятый класс.

— А куда еще обратиться?

— Попробуй в горком комсомола.

Зоя пошла, записалась на прием. Ожидая, когда ее вызовут, сидела в коридоре. Тут тоже посетителей хоть пруд пруди.

— Космодемьянская! — услышала она наконец. После сумрачного коридора кабинет показался ей очень светлым. Белые шторы на окнах подняты. На стене — большая карта.

Секретарь МК пожал Зое руку, предложил сесть. Разговор начался с расспросов: кто она, где родилась, куда выезжала, давно ли вступила в комсомол.

Зоя отвечала быстро, старалась подавить волнение — решалась ее судьба. Руки помимо воли вертели пуговицу, но Зоя заметила это только тогда, когда перехватила взгляд секретаря. «Еще подумает, что волнуюсь», — мелькнуло в голове, и Зоя заставила пальцы успокоиться, положила руки на колени. Потом все время следила за ними.

А вопросы сыпались один за другим:

— Какой язык учила?

— Немецкий...

— В цель стреляла?

— Неплохо.

— А с вышки в воду прыгать не боишься?

— Не боюсь!

— Сила воли есть?

Зоя улыбнулась. Ей еще никогда не приходилось так лестно говорить о себе. Но что поделаешь...

— И сила воли есть, и нервы у меня крепкие.

Секретарь помолчал немного, еще раз внимательно посмотрел на девушку, и Зое показалось, что он подавил вздох.

— Люди нам нужны. На фронт, значит, хочешь? Сердце Зои дрогнуло.

— Затем и пришла.

— Трудно там, очень трудно. Ты, между прочим, во время налетов где бываешь?

— Я? На крыше. Бомбежки не боюсь. — И чтобы разом пресечь все вопросы, Зоя добавила решительно: — Вообще ничего не боюсь!

— Ишь ты какая смелая, — сказал секретарь. — Ну, подожди в коридоре. Соберутся товарищи, поедem в Тушино прыгать с парашютом.

Зоя вышла. От возбуждения она не могла сидеть, ходила по коридору. Конечно, легко было говорить там, в кабинете, что она не боится. На самом-то деле все куда сложнее. Вот сейчас нужно прыгать с самолета. Если и будет страх, Зоя, конечно, постарается его побороть. А вдруг не выйдет?

Когда секретарь снова позвал ее и спросил: «Готова?», без колебаний ответила:

«Готова!»

Она думала, что сразу отправится на аэродром, но вместо этого секретарь принялся рассказывать, какие трудности ожидают ее.

— Ты должна ясно представлять себе, на что идешь, — закончил он.

— Я готова, — повторила Зоя.

— Иди домой, подумай еще.

Только в коридоре вспомнила Зоя о прыжке с парашютом.

«Да он же просто испытать хотел», — поняла она.

Через два дня Зоя вновь пришла в Московский комитет комсомола. Опять здесь было много народа. Зоя насторожилась: не отказали бы!

Чувство тревоги усилилось, когда вошла в кабинет. Ее встретил секретарь, с которым беседовала в прошлый раз. Он выглядел усталым, смотрел холодно. Молча пожал руку, кивком указал на кресло.

— Так вот, Космодемьянская, решили тебя не брать!

— Как не брать? Почему не брать? — срывающимся от обиды голосом крикнула она.

Секретарь улыбнулся, положил ей на плечо руку.

— Ну, не волнуйся, — мягко произнес он.

Зоя немного успокоилась. Ее опять проверяли — не поторопилась ли, не раскаивается ли...

На этот раз они договорились конкретно обо всем. Секретарь сказал, когда и куда надо явиться, что захватить с собой.

Лишь спустя некоторое время Зоя поняла, что и тогда ей, как и всем добровольцам, дали еще одну, теперь уже последнюю возможность взвесить свое решение. Им просто указали место и время сбора, не взяв при этом никаких обещаний. Хочешь — приходи, передумала — занимайся обычным делом, никто не упрекнет тебя.

И вот наступило сырое холодное утро. Мама подняла Зою рано, накормила завтраком: будто в школу собирала. Проводила до трамвая. Дул резкий ветер, низко неслись клочковатые рваные тучи. По щекам мамы скатывались слезинки.

В тот же день Зоя оказалась в воинской части № 9903, познакомилась с такими же добровольцами, как и она...

Шагавший впереди Борис поднял руку: внимание, осторожней! Зоя старалась ступать на носки, напряженно прислушиваясь. Какие-то странные звуки доносились издалека. Она дернула Бориса за рукав, тот остановился.

— Слышишь? Вот опять! Что это?

— Лошади. На ржание похоже.

Сделали еще шагов пятьдесят, и перед ними открылась прогалина, заросшая низким кустарником. Дальше, наверное, поле. Во всяком случае, конца прогалины не было видно за белесой мглой. Лишь смутно обрисовывались впереди очертания какой-то

постройки. Ветер, дувший оттуда, нес запах печного дыма, обрывки голосов. Совсем явственно раздавалось ржание лошадей. Чуть приметно мелькал огонек. Он перемещался: наверно, кто-то ходил с фонарем.

— Петрищево, — тихо сказал Борис. — Ты побудь здесь, а я подберусь поближе, посмотрю.

Зоя прижалась спиной к стволу дерева, на всякий случай вытащила наган. Следила за Крайневым. Он сделал несколько перебежек от куста к кусту, потом пополз и скрылся из виду.

Надо было набраться терпения. Усилившийся снегопад совсем заслонило строение вдали. Теперь Зоя могла только слушать, но и слушать было нечего. Голоса в деревне больше не раздавались, конское ржание прекратилось. Только собака жалобно тьякала. Не облаяла бы Бориса!

Минуло полчаса, пока вернулся Крайнев.

— Что? — нетерпеливо спросила Зоя.

— Прямо — длинный сарай. Конюшня. Дальше — дома. Немцев полно, крайняя изба как улей гудит.

— Ну?

— Зажигать будем конюшню и дома,

— В такой снегопад? Кто увидит?

— Подождем, может, кончится. Еще рано, до полуночи время есть. А пока попрыгаю, чтобы не замерзнуть. — Борис принялся бесшумно топтаться на месте.

У Зои, долго стоявшей без движения, тоже застыли пальцы ног и рук, она тоже начала приплясывать, то приближаясь к Крайневу, то отступая. И вдруг фыркнула весело.

— Тихо! Смешно тебе? — удивился Борис.

— Вроде бы танцуем... Первый бал.

— Похоже, — улыбнулся Борис. — Лесной бал. — И, словно оправдываясь: — А что поделаешь? Еще по крайней мере час ожидать надо!

Наконец пора. Борис подал знак: вперед. Ползти — вот что самое ненавистное.

Фашисты не таясь выходят из дома, хлопают дверью, разговаривают в полный голос, гогочут. Хозяевами себя чувствуют. А Зоя вынуждена хорониться в канаве на своей родной земле, не смея выпрямиться в полный рост.

Крайнева не видно. Он где-то справа. После короткого перерыва вновь повалил снег, да так густо, что и сарай и лес — все скрылось. Чего же таиться при такой видимости?

Одна забота — сарай разыскать. Зоя поднялась и пошла, выставив руку с наганом.

Бревенчатая заснеженная стена выросла вдруг перед ней. Зоя затаила дыхание. Рядом за стеной слышалось шевеление, ворочалось что-то живое, жующее, теплое. Из продолговатого оконца струился парок, тянуло свежим навозом... Может, и люди там? Наготове бутылка с горючей смесью. Стукни о бревно, зажги спичку... Но бутылка

звякнет, удар и звонок стекла нарушат тишину. Зоя не решилась. Минуту или две она провозилась, вынимая пробку. Осторожно облила горючей смесью стену: сверху вниз, от самой крыши. Солома-то запылает, но хотелось, чтобы огонь охватил и бревна.

Пальцы слушали плохо — замерзли. И волновалась она. К тому же крупные снежные хлопья падали на спички, мешая зажечь, хотя спички были с особой пропиткой. Они ломались, шинели. Тогда Зоя взяла сразу несколько штук, сильно чиркнула. Вспыхнул огонек, она поднесла его к бревнам: сразу рвануло пламя. Зоя на какое-то время ослепла. Побежала назад, не оглядываясь.

Раздался испуганный крик. Зоя посмотрела: не белой, а розовой была пелена в той стороне. Послышался разноголосый гомон, и вдруг ударил выстрел. «Борис!» — екнуло сердце. Зоя рванулась туда, но вспомнила приказ командира: подожжешь и сразу в лес! Немедленно в лес!

За спиной ржали лошади. Кто-то кашлял и ругался. Зоя, пригибаясь, побежала дальше, инстинктивно забирая вправо, в лощину, где чернели кусты.

Выстрелы в деревне ухали раз за разом. Стреляли и возле конюшни. Пуля свистнула над головой и подстегнула Зою: она побежала быстрее.

В низине снег выше щиколоток. Девушка выбилась из сил. Остановилась, вытерла мокрое лицо и только тут сообразила, что лощина увела ее куда-то в сторону. И довольно далеко. Во всяком случае, даже проблеска пожара отсюда не было видно, а выстрелы раздавались глухо — ветер относил звук в сторону.

Зоя растерялась: где же искать Бориса? Метнулась из лощины наверх и сразу очутилась в лесу. Но это был совсем не тот лес, в котором скрывались они с Крайновым и где должны были встретиться. Там росли елки с березами, было много кустарника, а здесь редко стояли стволы старых деревьев.

Она попыталась успокоиться, подумать без спешки, определить направление. Борис ждет ее. Может, совсем рядом. Но где? Куда повернуть? Пропал и последний ориентир — прекратилась стрельба. Зоя шла наугад, все еще рассчитывая на счастливый случай. Шла долго, вспоминая, как учили ее находить стороны света. По муравейникам можно, они с южной стороны стволов, где греет солнце, но какие сейчас муравейники! По годовым кольцам на срезах пней. Тоже отпадает.

На какой-то поляне Зоя прислонилась к стволу. Так устала, что не хотелось двигаться. Посидеть хоть бы немного. Холод пробирался под одежду. Сами собой опустились тяжелые веки. Стало вроде бы лучше.

И вдруг она услышала странный звук: над головой мертвенно, по-косяному стучали под ветром закоченевшие ветки. Зоя даже вскрикнула, оттолкнулась от дерева и быстро пошла по просеке, начинавшейся от поляны. Кажется, на юг или на юго-запад. Во всяком случае, не надо отчаиваться. Не в пустыне же она! Просека обязательно приведет куда-нибудь. На другую просеку, на дорогу, в деревню, к избе лесника. Там

можно сориентироваться. Только не стоять, не расслабляться. Идти и идти!
Ей повезло. В эту ночь встретила она партизана, который привел ее в землянку, в тепло, накормил. Зоя уснула.

* * *

— Татьяна... Таня... — выплыл из пустоты чужой голос. Девушка вскинулась, ударившись о потолок землянки. В руке — наган.

— Какая Таня? Кто?

— Не ершись, убери пушку-то, — сказал партизан. — Сама так назвалась, нам все одно. Ухожу я, потолковать надо.

Зоя натянула сапоги, накинула пальто. Выглянула из землянки — свет резанул по глазам: бело и ярко было в лесу, на ветках снежные нависи, как кружева.

— Стихло, — удовлетворенно произнес мужчина, глубже нахлобучивая шапку. — На столе провиант тебе оставил. А мне пора. Может, ворочусь, а может, и нет. У меня в лесу домов, как у зайца теремов. Ну а ты? Надолго останешься?

— Я тоже пойду, только не сейчас, а под вечер.

— Это вернее, — согласился мужчина. — Возле землянки-то не следи. Шагай по оврагу вверх, он прямо на просеку выведет, где встретились.

— Мне бы к речке попасть, к Тарусе.

— На северо-восток держи. Как дойдешь до пересечения просек, бери влево и никуда не сворачивай. Да смотри не проскочи с разбегу, речонка такая, что в половодье петух пешком перейдет. А сейчас замело, сровняло. Лед ногой щупай.

— Спасибо, — сказала Зоя, — очень большое вам спасибо за все.

Вернувшись в землянку, она напилась чаю и почувствовала, что ее опять клонит в сон: слишком утомилась и наголодалась. Снова залезла на нары и лежала в тишине и тепле. Теперь она запомнит дорогу сюда, к этой землянке, расскажет своим. Только когда, где?

Борис, конечно, возвратился в лагерь, а лагеря ей самой не разыскать. Значит, надо переходить фронт. Добраться до Тарусы, повернуть вправо и идти к Наре. А если повернуть влево, то вскоре доберешься до истоков Тарусы — Зоя хорошо представляла карту этого района. Начинается речка в болотах возле Петрищева. Они с Борисом часть пути проделали вчера как раз по долине речушки. Крайнев наверное и назад шел по ней, а Зоя шарахнулась в сторону. Сама виновата. Так она и скажет командиру, когда вернется. Выполнила, дескать, задание, а потом допустила ошибку...

Но выполнила ли? Зоя даже приподнялась. Как же она не сообразила раньше?

Постройки они с Борисом подожгли, это факт. Только в какое время? В самый снегопад, когда ни один самолет не поднялся в воздух. Если и поднялся, то летчик не мог разглядеть ничего. И потом еще долго валил снег, до самого утра, вероятно.

Значит, главное-то не сделано! Чем же гордиться, о чем докладывать? Может, хоть

сегодня погода будет ясная, и Борис снова... Но почему Борис? Ему далеко идти, у него других забот много. А у Зои одна — выполнить то, что поручено. Она должна снова идти в Петрищево, просто обязана довести начатое до конца.

Приняв решение, Зоя успокоилась. Можно отдышать часов до четырех, пока наползут сумерки. А этот партизан не поверил, кажется, что ее зовут Таней. Не очень твердо произнесла она это имя, хотя вспомнилось оно не случайно. Зоя и раньше думала: в случае чего назовет себя так в память о Тане Соломахе, героине гражданской войны. Несколько раз Зоя перечитывала очерк о ней, читала вслух, маме и брату. И так ярко представляла себе ПОДВИГ мужественней девушки, будто своими глазами видела и пережила все вместе с ней. Враги били Таню шомполами, на ее глазах шашками зарубили товарищей, но она ничего не сказала белогвардейцам, не запросила пощады...

* * *

Речку Тарусу Зоя нашла без труда. Встала над замерзшей водой, задумалась. Так хотелось повернуть вправо, к своим! Последнее испытание, последнее напряжение — перейти линию фронта. Можно будет наконец расслабиться, помыться, написать письмо маме. Но отсюда до Петрищева часа полтора хорошего хода, а ночь светлая, не то что вчера. Самолеты вполне могут летать, пожар будет виден издалека. «Какие еще колебания? Стыдно!» — сказала она себе.

Идти можно не торопясь, время еще раннее, а поджигать лучше поближе к полуночи. Зоя несколько раз отдыхала. Лес чопорный, строгий: деревья не шелохнутся. Особенно красивы елки, ровной цепочкой выстроившиеся вдоль просеки.

Зоя постояла бы, любуясь, но у нее начали мерзнуть ноги. Холод торопил ее.

На этот раз с опушки хорошо просматривалась окраина деревни. Несколько добротных высоких домов и сараи, повернутые глухой стеной к лесу. Три или четыре длинных сарая стояли особняком, на отлете, до них было ближе, чем до изб.

Туда — осторожно, а там — быстро. Облить стену, поджечь и сразу назад. Только вот пальто мешает, когда летишь опроретью. Может, повесить его пока здесь на сучок? И вернуться по своим следам.

Так она и сделала: сняла пальто, оставшись в теплой куртке. За спиной — тощий мешок. В кармане бутылка с горючей смесью. В другом — спички. Наган сунут за пазуху. Ну, кажется, все.

Еще раз оглядела деревню. Пусто, тихо, нигде ни огонька. Будто вымерло Петрищево. Лишь над трубой крайнего дома поднимался дым, там топили.

Зоя обогнула ствол старой березы и быстро пошла по открытому полю, не зная о засаде, которая ожидала ее за углом конюшни.

* * *

Старшим в гарнизоне был командир 332-го пехотного полка 197-й дивизии полковник

Рюдерер. Ему и доложили о поимке «фрау партизанки», у которой имелось оружие и бутылка с горючей смесью. Несомненно, она была из тех, кто минувшей ночью поджег конюшню и несколько домов.

Подполковник по телефону сообщил о партизанке командиру дивизия и спросил, как с ней поступить.

— Мы имеем дело не с единичным случаем, а с организованной акцией, — сказал в ответ генерал. — Другая раненая партизанка захвачена возле совхоза Головково. Вероятно, в зоне дивизии действует диверсионный отряд русских. Вывод может быть только один: усилить посты. А пойманных партизан уничтожить.

— Но это женщина!

— Для нас нет женщин и нет мужчин, — желчно произнес генерал. — Есть только враги, А приказ о партизанах вам известен.

— Так точно.

— Повесить в полдень, собрав жителей. И постарайтесь основательно допросить ее. Откуда она, много ли их, где база, какова задача? Возьмитесь за это сами, подполковник.

— Слушаюсь, господин генерал.

Судьба партизанки была решена еще до того, как Рюдерер увидел ее своими глазами. Пока она не стала бесчувственным трупом, из нее следовало извлечь максимальную пользу, любыми средствами вырвать нужные сведения. Она все равно обречена.

В штаб ее привели уже избитую, раздетую: в ночной сорочке и босую. Это была совсем еще девчонка, и подполковник вначале предположил, что ее нетрудно запугать. Но взгляд у нее был такой твердый, такая ненависть горела в глазах, что Рюдерер подумал: она из тех фанатичных русских, которые держатся до конца.

Он был воспитанным человеком, этот кадровый офицер, даже к пленным обращался с холодной вежливостью.

— Ваше имя?

— Таня.

— Фамилия?

— Не имеет значения.

— Это вы подожгли конюшню?

— Да.

— Ваша цель?

— Уничтожить вас.

Подполковник усмехнулся: каково самомнение у девчонки! Штабные офицеры смолкли.

— Кто вас послал сюда?

— Этого я не скажу.

— С вами были другие партизаны?

— Нет.

— Где ваша база? Когда вы перешли фронт?

— В пятницу, — наобум сказала Зоя.

— Вы слишком быстро дошли, — усомнился подполковник.

— Что же, зевать, что ли?

Переводчик с трудом перевел дерзкие эти слова.

— Мы не будем бить вас кулаками, — устало произнес Рюдерер, взглянув на часы. У него имелись более серьезные заботы, чем эта девчонка. — Бить кулаками нехорошо. Но мы заставим вас ответить на все вопросы.

Двум солдатам ничего не стоило бросить партизанку на лавку, лицом вниз. Пряжка ремня с размаху врезалась в худенькое бледное тело, оставив сине-багровый след. Рыжий баварец бил с таким старанием, что, казалось, разрубил девушку. Она содрогалась при каждом ударе, прикусывала губы.

Молодой офицер-связист выбежал на кухню, где в темноте сидели хозяева избы.

Ощупью нашел дверь, выскочил на крыльцо, там его стошнило.

Рюдерер сделал знак, солдат опустил ремень.

— С кем ты была? Где твои товарищи?

Девушка с трудом подняла голову. В глазах — ненависть.

— Значит, мало еще тебе, — буркнул подполковник, начавший терять терпение.

Снова взметнулась пряжка.

Подполковник чувствовал раздражение и усталость. Он велел увести партизанку и прибрать комнату. Подумав, сказал переводчику, чтобы поджигательницу отправили к солдатам. Пусть поспрашивают еще. Может, солдаты что-то выколотят из нее.

Переводчик повел пленную в караульное помещение. Было уже около полуночи, небо вывездило, мороз окреп по-зимнему. Холод пробирал переводчика под шинелью, а русская будто и не ощущала его: шла босая, почти обнаженная, оставляя за собой темные пятна крови...

Утром в избу явились двое фашистов. Один упитанный, молодцеватый, с веселым нравом. Из-под пилотки спускались на уши теплые клапаны. По сравнению с ним другой гитлеровец выглядел дегенератом. Над плотным квадратным туловищем — тонкая гусиная шея и непропорционально маленькая голова. Острый нос торчит, как клюв. Шинель без ремня, словно балахон. Брюки навывпуск. Ботинки. Этот дегенерат и был главным палачом, он делал все быстро и с явным удовольствием. Бросил Зое вещевой мешок, отобранный вчера. Жестом показал: одевайся.

В мешке сохранились два кусочка сахара и соль, взятые в партизанской землянке. Но не было ни сапог, ни куртки, ни фуфайки, ни подшлемника, ни шапки — успели поделить, вояки! Оставили Зое лишь кофточку, чулки и ватные брюки.

Натянуть чулки на распухшие ноги сама не сумела, помогла хозяйка дома Прасковья Кулик. Стоя перед девушкой на коленях, всхлипывая, она осторожно прикоснулась к обмороженной, содранной во многих местах коже.

Солдаты покрикивали, торопили.

На грудь Зое повесили доску с надписью на двух языках — «Поджигатель».

На улице фашисты взяли Зою за локти, но она резким движением оттолкнула врагов, пошла сама, стараясь уверенней ставить ноги.

Из домов выскакивали солдаты. С оживленным говором валили гурьбой.

Виселицу изготовили прочную. Свежеоструганная, она высилась над толпой, над шапками и бабьими платками, над головами солдат и даже над кавалеристами, сидевшими на конях. Кавалеристы были тепло одеты, они явились сюда по службе, оцепить место казни. А пехотинцы прибежали налегке, без шинелей, чтобы поглазеть, получить удовольствие. Теперь они мерзли, потому что казнь затягивалась. Появился офицер с «кодаком», принялся фотографировать. Подолгу «целился», искал выразительные позы.

Палачи между тем подняли Зою на ящики, дегенерат накинул петлю. Девушка, казалось, не заметила этого, взгляд ее был устремлен на людей, она видела не только любопытствующие, ухмыляющиеся рожи солдат, но и суровые лица крестьян, плачущих женщин, охваченных ужасом детей.

— Эй, товарищи! — крикнула она неожиданно звонким и ясным голосом. — Чего смотрите невесело? Будьте смелее, боритесь с фашистами, жгите их, травите их! Дегенерат замахнулся, хотел ударить, но побоялся, что пленница упадет с ящиков, и задохнется преждевременно, до команды. Офицер продолжал фотографировать, а Зоя, держась рукой за веревку, говорила со своей жуткой трибуны:

— Не страшно умирать мне, товарищи! Это счастье — умереть за народ!

— Скорее же! — крикнул с коня какой-то начальник, но фотограф еще не кончил снимать, и палачи не знали, кого слушать. А Зоя продолжала говорить, подчиняя все внимание собравшихся.

Умолкла только тогда, когда палач затянул петлю. О чем подумала она в эти последние секунды? Если бы смогла Зоя хоть на мгновение охватить взором то, что происходило вблизи и вдали! Ей, наверно, стало бы вдвойне тяжелей и горше, потому что совсем неподалеку, за лесом, километрах в десяти, увидела бы она золотоволосую подругу свою Веру Волошину, тоже с петлей на шее. Немцы там решили не утруждать себя, не возвели виселицу, а использовали деревянную арку въезда в совхоз. Раненую Веру, неспособную держаться на ногах, привезли в кузове грузовика. Задний борт был открыт. Ровно в полдень, когда палач выбил ящик из-под ног Зои, тронулся с места грузовик, и тело Веры закачалось под аркой...

Но Зое стало бы не только горше! В этот день, 29 ноября, в день ее смерти, южнее

Каширы воины 1-го гвардейского кавалерийского корпуса оттеснили фашистов на четыре километра. Всего на четыре. Но это были первые километры на том многотрудном пути, который предстояло частям Красной Армии преодолеть от Подмосковья до гитлеровской столицы.

И бессмертная Зоя до самой Победы шла в рядах наступавших бойцов.